



В.А. Квашин
Вологодский государственный университет

ОБ ОДНОЙ «ОШИБКЕ» ВАЛЕРИЯ МАКСИМА

Анализируется сюжет античной традиции, связанный с количеством рабов, сопровождавших римского магистрата на территории провинции. В этой связи обращается внимание на расхождение данных Валерия Максима и других древних историков. Вопреки расхожему мнению о несовершенстве методов работы древних авторов с источниками и их склонности к фальсификации недостающих количественных данных, делается вывод о необходимости учета особенностей античной историографии и специфики методов работы с историческим материалом.

Древний Рим, античная историография, Катон Старший, Сципион Эмилиан, рабы.

В сочинении Валерия Максима обращает на себя внимание сообщение, относящееся к римскому политику II в. до н.э. Публию Корнелию Сципиону Эмилиану. Римский автор пишет: «После двух знаменитых консульств и множества выдающихся по славе триумфов Сципион Эмилиан взял на себя обязанности легата, в сопровождении семи рабов» (IV.3.13) Как нами было показано в другой работе, скорее всего, речь идет о римском посольстве в Александрию, имевшем место в период между 141 и 139 гг. до н.э. [2, с. 84–92]. В Египте в это время правил Птолемей VII, младший сын Птолемея V Эпифана и Клеопатры I, дочери Антиоха III. В период с 169 по 164 гг. до н.э. страной управлял своеобразный триумvirат, в который входил Птолемей VI Филометор, его младший брат Птолемей VII Фискон (известный также как Птолемей VIII Эвергет II) и их сестра Клеопатра II. Споры между братьями, которые не могли поделить между собой царство, вызвали неоднократное вмешательство римского сената, по крайней мере дважды (в 168 и между 141 и 139 гг. до н.э.) посылавшего в Египет своих представителей в качестве посредников и арбитров. Диодор Сицилийский, Плутарх и Афинея подтверждают информацию Валерия Максима, сообщая о том, что Сципион прибыл в Александрию вместе с другими послами, хотя имена их не называются (Diod. XXXIII.1; Plut. Reg. et imp. araph. Scip. Min. 13; Athen. VI.105 (=273b)). Юстин называет участников этого посольства, оказавшихся вне поля зрения греческих авторов: помимо Сципиона Эмилиана в нем приняли участие Спурий Муммий и Луций Метелл, под именем которого, скорее всего, скрывается консул 142 г. до н.э. Луций Цецилий Метелл Кальв (XXXVIII.8. 8).

В сообщении Валерия Максима обращает на себя внимание то, что хотя все остальные древние авторы сообщают о пяти рабах, римский историк пишет о том, что их было семь (табл. I). Можно было бы считать его сообщение ошибкой, тем более что данный раздел 4-й книги, посвященный Сципиону Эмилиану, содержит и другие неточности. К примеру, римский автор описывает посольство Сципиона как событие,

имевшее место уже после его двух консулатов и триумфа. Однако первое консульство Сципиона относится к 147 г. до н.э., а триумф – к концу 146 г. до н.э., так что только второй консулат, имевший место в 134 г. до н.э., приходится на время уже после посольства в Египет. В связи с этим возникает соблазн считать ошибки и неточности Валерия Максима прямым следствием тех методов, которые античные авторы использовали в работе с источниками. Несовершенство методологии античной историографии стало общим местом в литературе, в связи с чем и сочинение Валерия Максима зачастую предстает как некий компендиум портретов выдающихся исторических личностей вперемешку с анекдотами и комическими ситуациями. Приведем в этой связи два примера, выхваченные, что называется, наугад. Так, с точки зрения А.И. Немировского, именно методика исследования является наиболее слабым местом античной историографии, в связи с чем «подход античных историков к источникам носил наивный и дилетантский характер» [3, с. 60–72]. По мнению В.С. Дурова, культура исторической истины у римских историков никогда не было, поэтому «когда фактов не хватало, они их просто домысливали» [1, с. 4].

Ради справедливости следует сказать, что подобного рода погрешности характерны не только для Валерия Максима. К примеру, Цицерон в одном из своих сочинений указывает: «...как говорят, Публий Сципион Африканский во время своего знаменитого посольства (которое ему пришлось исполнять еще до того, как стал цензором) взял себе в спутники одного только Панетия» (Acad. II.5, пер. Н.А. Федорова). Как видно из этого сообщения, он относит посольство Сципиона Эмилиана ко времени, предшествовавшему цензуре последнего, тогда как в действительности как раз цензура 142 г. до н.э. предшествовала его поездке в Александрию. Кроме того, Цицерон настаивает на том, что Сципиона сопровождал один Панетий, хотя другие авторы пишут о еще как минимум двух участниках посольства. С другой стороны, Плутарх сообщает сразу о нескольких дипломатических миссиях Сципиона: «Сенат в третий раз отправил его объехать

народы, города и царства, чтобы посмотреть, как выразился Клитомах “кто из людей беззаконствует, кто наблюдает в них правду”» (Plut.Reg. et imp. apoph. Scip.Min.13, пер. М.Л. Гаспарова). В связи с этим непонятно, смешались ли у греческого автора путешествия его героя в Грецию, Галлию, Египет и сопредельные территории или таким образом нашли свое отражение римские легации разного времени в период правления Птолемея VI Филометора и Птолемея VII Фискона. Кроме того, Плутарх путает имя спутника Сципиона, называя в качестве такового Клитомаха (Κλιτόμαχος), философа родом из Карфагена, жившего на рубеже II–I вв. до н.э. Скорее всего, в данном случае мы сталкиваемся с авторской небрежностью или просто ошибкой, поскольку в другом сочинении Плутарха, описывающем ту же ситуацию, стих Гомера цитирует философ Панетий (Mor.777A). Как отмечалось в литературе, достоверность такого рода информации невысока уже потому, что античные авторы, зачастую не располагая точными сведениями о давно минувших событиях, были вынуждены измышлять недостающие количественные данные [4, с. 192].

Тем не менее, не стоит недооценивать древних авторов. Как пронизательно отметил в свое время В.М. Смирин, специфика античной историографии, никогда не терявшей своей связи с риторикой, объясняется не ее некритичным отношением к источникам, но иным представлением о смысле и задачах истории [5, с. 102, прим. 45]. Присмотримся в этой связи к тому, что нам сообщает античная традиция. Очевидно, что разбираемый сюжет следует воспринимать в контексте литературно-риторического концепта, призванного воспеть древнеримскую умеренность и простоту. При этом обращает на себя внимание, что сюжет с рабами, сопровождающими своего господина во время исполнения им некоей миссии, не ограничивается фигурой Сципиона Эмилиана.

В биографии Катона Старшего, принадлежащей Плутарху, содержится аналогичный рассказ, в котором присутствуют, однако, совсем иные герои. Плутарх пишет: «однако не только собственные руки, но и руки близких к нему людей Катон сохранил чистыми от грабежа. В походе с ним было пять рабов. Один из них, по имени Паккий, купил трех пленных мальчиков. Катон об этом узнал, и Паккий, боясь показаться ему на глаза, повесился, а Катон продал мальчиков и внес деньги в казну» (Cat.Mai.X.5, пер. С.П. Маркиша). Информацию Плутарха подтверждает Апулей: «Марк Катон, не дожидаясь, похвалят ли его другие, сам объявил о себе устно и письменно, как в бытность свою консулом взял с собою из столицы в Испанию только трех рабов, и лишь на городской заставе рассудил, что для надобностей его троих маловато, а потому велел прикупить на рабском рынке еще двоих мальчишек и уехал в Испанию с пятью рабами» (Apol.XVII.9-10). Как можно видеть, Апулей воспро-

изводит общую канву рассказа, хотя и путается с количеством рабов (три и пять вместо пяти и восьми у Плутарха). Сообщение Апулея ценно тем, что оно сообщает о существовании речи, которая должна рассматриваться в качестве первоисточника разбираемого сюжета. К сожалению, эта речь не сохранилась. В изданиях Г. Майера и Г. Иордана она присутствует в виде фрагмента, воспроизводящего текст Апулея, под названием «...cum in Hispaniam proficisceretur» [6, р. 38; 7, р. 28–30]. Основанием для этого служит плохо сохранившееся сообщение Феста о существовании подобной речи у Катона (P.169 M).

Таким образом, перед нами непростой выбор: чью фигуру считать более достоверной в контексте рассматриваемого сюжета, Катона Старшего или Сципиона Эмилиана, поскольку Плутарх помещает их в однотипную ситуацию. На наш взгляд, кандидатура Катона Старшего выглядит предпочтительнее, в пользу чего можно привести следующие аргументы. Во-первых, сообщение Плутарха в этой части подтверждается свидетельством Апулея, ссылающегося на существовавшую в его время речь Катона Старшего. Во-вторых, это наличие конкретных деталей в рассказе Плутарха, который называет имя одного из рабов – Паккий (Πάκκιος), точное время – испанская кампания 195 г. до н.э., и, наконец, детали, позволяющие понять истинный смысл передаваемого греческим историком эпизода катоновской биографии. Точкой соприкосновения нескольких историографических линий, одна из которых была связана с Катонем Старшим, а другая – со Сципионом Эмилианом, является пласт античной традиции, связывающий историю о нескольких рабах, сопровождающих правителя или полководца, с Птолемеями. Согласно Диодору, в 164 г. до н.э. Птолемей VI Филометор отправился в Рим в сопровождении только евнуха и трех рабов (XXXI.18). Эти сведения подтверждаются Валерием Максимом, который также пишет о том, что Птолемей прибыл в Рим «с незначительным числом рабов» (V.1.1). Три раба сопровождали Катона в Испанию по версии Апулея, а согласно Плутарху, уже на территории провинции было куплено еще три раба. В то же время Афинея и Плутарх настаивают на том, что Сципиона/Катона сопровождали пять рабов, хотя версия Афинея представляется более аутентичной.

Обратим в этой связи внимание на цифры, которые приводят античные авторы. Афинея сообщает о пяти рабах, сопровождавших Сципиона. Плутарх также пишет о пятерых рабах, отправившихся вместе с ним в Египет. Пять рабов присутствует и в биографии Катона Старшего. С другой стороны, Апулей упоминает о трех рабах, к которым позже были добавлены еще двое. Также три раба сопровождали Птолемея VI Филометора во время его поездки в Рим. Возникает вопрос, сталкиваемся ли мы в каждом случае с самостоятельной традицией?

Таблица I

Автор	Количество рабов	Персонаж	Источник
Плутарх	5	Сципион	Reg. et imp. apoph. Scip. Min.14
Плутарх	5	Катон	Cat.Mai.X.5
Валерий Максим	7	Сципион	IV.3.13
Афинея	5	Сципион	Athen.VI.105 (=273b)
Апулей	5	Катон	Apol.XVII.9-10

Пример Полибия, в тексте которого в связи с об-суждаемыми сюжетами постоянно возникает цифра 5, показывает, что данное число могло иметь символическо-риторическое значение. Пять дней были даны посланцу Птолемея VI Филометора на то, чтобы покинуть Рим. (XXXII.1.3). Пять римских граждан были выбраны в качестве послов к Птолемею VII Фискону, причем на Кипр они отплыли на пяти пятипалубных кораблях (XXX.8.6). При этом неизменным число рабов остается только в сборнике апофтегм Плутарха и у Афиня. Присутствующие в их сочинениях данные можно выразить простейшим арифметическим действием:

$$5-1=4+1=5.$$

У Апулея к трем рабам, присутствовавшим изначально, прибавляются еще два, приобретенных в Риме, что в сумме дает цифру пять:

$$3+2=5.$$

Однако исходным пунктом в наших вычислениях должна стать биография Катона Старшего, опирающаяся, как мы попытались показать, на первоисточник в виде несохранившейся речи Цензора. Согласно Плутарху, к пяти рабам, которые были с самого начала военной кампании, Паккий прибавил еще троих, приобретенных в Испании. После того как Катон узнал об этом, Паккий наложил на себя руки. Сомнения возможны в связи с тем, что согласно Плутарху, Паккий приобрел трех рабов, что предполагает наличие у него правоспособности и, в частности, способности вступать в хозяйственные отношения (*ius commercium*). Однако в данном случае сделка была совершена за пределами территории Италии. Дошедший текст юриста классического периода Юлиа Павла указывает на подобные приобретения как распространенную практику, коль скоро они попали в поле зрения юридического источника (D.V.1.24.1-2). С точки зрения гражданского права раб мог совершать определенные экономические действия по поручению господина (*ex persona domini*), что предполагало возникновение у него ограниченной правоспособности в рамках конкретной хозяйственной ситуации, связанной с реализацией поручения. В том случае, если Паккий входил в число пяти первоначальных рабов, что в общем-то не вызывает сомнений, мы получаем следующее значение:

$$5+3=8-1=7.$$

Таким образом, мы получаем то число рабов, которое приводит Валерий Максим. Как можно заметить, в источниках постоянно присутствует несколько цифр – 3, 5 и 7. В рамках арифметического действия, используемого в наших расчетах, 5 – это исходное число рабов, 3 – число рабов, купленных дополнительно, 7 – итоговое число после смерти одного из рабов. В различных культурах, в том числе античной, они имели разнообразные религиозно-символические, магические, математико-астрономические коннотации. Прежде всего их объединяет то, что будучи простыми числами, они делятся только на единицу и сами на себя. К примеру, в пифагореизме сумма последовательных нечетных чисел представляла собой последовательность квадратов:

$$1 + 3 = 2^2;$$

$$1 + 3 + 5 = 3^2;$$

$$1 + 3 + 5 + 7 = 4^2.$$

Простое ли это совпадение или мы сталкиваемся здесь с некими жанровыми, фольклорными либо иными закономерностями, связанными с использованием этих цифр в устной и письменной традиции – тема будущего исследования.

Литература

1. Дуров, В. С. Художественная историография древнего Рима / В. С. Дуров. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1993. – 141 с.
2. Квашнин, В. А.: Сципион, Катон, Птолемей: римские мужи, «*mos maiorum*» и бродячие сюжеты / В. А. Квашнин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2019. – Вып. 65. – С. 84–92.
3. Немировский, А. И. Теоретические аспекты античной историографии / А. И. Немировский // Вопросы истории. – 1982. – № 2. – С. 60–72.
4. Подосинов, А. В. A. Dreizehnter. Die rhetorische Zahl: Quellenkritische Untersuchungen anhand der Zahlen 70 und 700. München, 1978 / А. В. Подосинов // Вестник древней истории. – 1980. – № 2. – С. 192–196.
5. Смирин, В. М. Римская школьная риторика Августа века как исторический источник (По «Контroversиям» Сенеки Старшего) / В. М. Смирин // Вестник древней истории. – 1977. – № 1. – С. 95–113.
6. Jordan, H. M. Catonis praeter librum De re rustica quae extant / H. M. Jordan. – Lipsiae, 1860.
7. Meyer, H. Oratorum Romanorum fragmenta ab Appio inde Caecousque ad Q. Aurelium Symmachum / H. Meyer. – Turici, 1842.

V.A. Kvashnin

ON ONE «ERROR» BY VALERIUS MAXIMUS

The article studies the ancient plot about the number of slaves that accompanied the Roman magistrate in the province. There is a discrepancy in the data given by Valerius Maximus and other ancient historians. Researchers usually explain it in terms of shortcomings of research methods used by ancient authors and their tendency to falsify missing quantitative data. In conclusion, V. Kvashnin emphasizes the necessity to take into account both the peculiarities of ancient historiography and special methods of working with historical documents.

Ancient Rome, ancient historiography, Cato the Elder, Scipio Aemilianus, slaves